

Информация для цитирования:

Зимаков А. В. Выход Евросоюза из Договора к Энергетической хартии : результат климатической политики? / А. В. Зимаков // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 365—387. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-365-387.

Zimakov, A. V. (2024). European Union's Withdrawal from Energy Charter Treaty: A Result of Climate Policy? *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 365-387. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-365-387. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Выход Евросоюза из Договора к Энергетической хартии: результат климатической политики?

Зимаков Андрей Владимирович

orcid.org/0000-0001-6574-6258

WoS ResearcherID: F-7869-2017

Scopus Author ID: 57194103489

кандидат экономических наук,
научный сотрудник Центра
европейских исследований
zimakov@newmail.ru

Национальный исследовательский
институт мировой экономики
и международных отношений
имени Е. М. Примакова
Российской академии наук
(Москва, Россия)

European Union's Withdrawal from Energy Charter Treaty: A Result of Climate Policy?

Andrey V. Zimakov

orcid.org/0000-0001-6574-6258

WoS ResearcherID: F-7869-2017

Scopus Author ID: 57194103489

PhD in Economics,
research scientist,
Centre for European Studies
zimakov@newmail.ru

Primakov National Research Institute
of World Economy and
International Relations,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу политических и экономических причин решения о скоординированном выходе Евросоюза и его членов из Договора к Энергетической хартии (ДЭХ) в марте 2024 года. Особое внимание уделяется вопросу о роли в этом процессе климатической политики Евросоюза. Представлен обзор тридцати лет с момента основания договора с целью выявления влияния на внутривнутриполитические процессы стран ЕС. На основе анализа практики инвестиционных арбитражных разбирательств, а также официальных документов ЕС делается вывод, что, несмотря на декларативные заявления, климатическая повестка была лишь внешним и второстепенным фактором, в то время как основной причиной явились изменения в инвестиционной политике ЕС. Показано, что договор не являлся препятствием для реализации климатических целей Евросоюза, однако механизм защиты инвестиций в международном арбитраже оказался несовместимым с продвигаемыми принципами автономности и приоритета права ЕС. Вместе с тем договор действительно давал инвесторам возможность требовать от правительств стран ЕС компенсаций за активы, «блокированные» в результате климатической политики. Отказ от проверенного инструмента защиты международных инвестиций может негативно повлиять на инвестиционную привлекательность «зеленой» энергетики Евросоюза.

Ключевые слова:

ЕС; Договор к Энергетической хартии; климатическая политика ЕС; инвестиционный арбитраж; инвестиционная политика ЕС.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes the political and economic motivations behind the coordinated decision of the European Union and its member states to withdraw from the Energy Charter Treaty (ECT) in March 2024. Special emphasis is placed on the role of the EU's climate policy in this process. A comprehensive review of the thirty years since the treaty's inception is presented, aiming to uncover its influence on the domestic political dynamics within EU member states. Through an examination of investment arbitration practices and official EU documents, it is concluded that, despite declarative statements, the climate agenda was merely an external and secondary factor, while the primary driver was a shift in the EU's investment policy. The article illustrates that the treaty did not obstruct the achievement of the EU's climate objectives; however, the investment protection mechanism in international arbitration proved incompatible with the principles of autonomy and primacy of EU law. Furthermore, the treaty indeed provided investors with avenues to seek compensation from EU member state governments for assets "blocked" as a result of climate policies. The abandonment of a proven international investments protection tool may negatively impact the foreign investment attractiveness of the EU's green energy sector.

Key words:

EU; Energy Charter Treaty; EU climate policy; investment arbitration; EU investment policy.

УДК 327:621.039 (4-66EC)“2024”+94(430).087

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-365-387

Научная специальность ВАК
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Выход Евросоюза из Договора к Энергетической хартии: результат климатической политики?

© Зимаков А. В., 2024

1. Введение = Introduction

Экологизация является одним из важнейших современных трансформационных процессов в ЕС. Начавшись с декарбонизации электроэнергетики, экологическая трансформация постепенно перешагнула первоначальные рамки и в настоящий момент предопределяет изменения, происходящие в самых разных сферах экономической жизни стран Евросоюза. Без понимания этих движущих сил многие значимые события могут представляться парадоксальными, в то время как в логике экологической трансформации они являются вполне закономерными. При этом, однако, следует избегать упрощений, объясняющих причины лишь влиянием климатической политики. Среди подобных событий последних лет особое место занимает выход стран ЕС и самого Евросоюза из Договора к Энергетической хартии (ДЭХ). Парадоксальность этого достаточно подчеркнуть тем фактом, что европейские страны являлись основателями этого договора тридцать лет назад, и именно за счет их усилий и ресурсов состоялся этот уникальный и не имеющий аналогов в мировой практике международный правовой механизм [Конопляник, 2018].

Решение Евросоюза оказалось достаточно неожиданным, особенно учитывая начатый в 2017 году по инициативе Евросоюза процесс модернизации договора. Тем не менее под предлогом несовместимости ДЭХ с климатическими целями ЕС Европарламент не поддержал итог работы по модернизации и призвал к немедленному выходу [European Parliament ..., 2022].

Что же заставило ЕС отказаться от ДЭХ, даже имея перспективы его модернизации? И действительно ли главным мотивом была несовместимость ДЭХ с климатической политикой ЕС? Данная статья посвящена выявлению на основе анализа «жизненного цикла» (от основания ДЭХ до выхода стран ЕС) основных факторов и причин, а также тех более комплексных процессов, элементом и следствием которых стал отказ Евросоюза от ДЭХ.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

ДЭХ как международный договор, как система защиты иностранных инвестиций и как инструмент в спорах между частными инвесторами и государствами неоднократно привлекал внимание различных исследователей как в России, так и за рубежом. Среди отечественных исследователей следует особо выделить А. А. Конопляника, являвшегося активным участником процесса становления и развития ДЭХ [Конопляник, 2010; 2011; 2018].

Как правило, в отечественной научной литературе периодическое возникновение интереса к договору было связано с различными арбитражными разбирательствами, инициированными на основе ДЭХ, в первую очередь теми из них, которые непосредственно затрагивали РФ. В этом контексте много внимания уделялось делу акционеров ЮКОСа [Рачков и др., 2016]. Также ряд публикаций был посвящен выходу России из ДЭХ в 2018 году. Меньшее внимание привлекали прочие арбитражные разбирательства, например, «солнечные иски» [Ермакова, 2022], в связи с отказом Германии от АЭС [Зимаков, 2021], по причине изменений в регулировании оффшорной ветроэнергетики [Попов и др., 2021]. Также интерес у исследователей вызывал процесс модернизации ДЭХ, подробный анализ направлений модернизации можно найти у Шиянова А. В. [Шиянов, 2023], Гудкова И. В. [Гудков, 2020] и других.

Что касается иностранных исследователей, то с их стороны ДЭХ подвергался детальному анализу в различных аспектах: вопросов практического применения механизма международного инвестиционного арбитража [Vig, 2022], анализа процесса модернизации [Roiger-Simek, 2021; Belyi, 2021], влияния на климатическую политику [Tienhaara et al., 2020; Vaaranmaa, 2021; Hinrichsen, 2024; Hajdu, 2020], как элемент энергетического колониализма [Energy Colonialism ..., 2023] и пр. Особо следует выделить исследования вопросов взаимодействия международного инвестиционного правового механизма ДЭХ и формирующегося европейского инвестиционного права [Titi, 2015; Odermatt, 2024]. Особенности инвестиционной политики ЕС рассматривались также отечественными учеными [Гурова, 2016; Шайдуллина, 2018; Исполинов, 2021].

Источниковую базу исследования составляют официальные документы Еврокомиссии и Европарламента, базы данных по инвестиционным арбитражам МЦУИС и Арбитражного института международной торговой палаты в Стокгольме, статистика Секретариата Энергетической хартии, а также материалы независимых экологических движений и организаций.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Три десятилетия Договора к Энергетической хартии (1994—2024)

Предыстория, процесс формирования и основные положения ДЭХ достаточно подробно рассмотрены в научной литературе. Вместе с тем для полноты понимания проблематики необходимо вкратце напомнить историю становления и развития ДЭХ. В декабре 1991 года в Гааге была принята политическая декларация о развитии энергетического сотрудничества между Востоком и Западом, получившая название *Европейская энергетическая хартия*. Данный документ стал результатом инициативы стран Западной Европы, заинтересованных в получении доступа к энергетическим ресурсам постсоветского пространства. Фактически речь шла о создании правового механизма, который позволял осуществлять прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в энергетические проекты в странах СНГ, гарантировал их защиту в международном арбитраже и обеспечивал возможность беспрепятственных поставок энергоресурсов в страны-импортеры, среди которых главными заинтересованными были страны Европейского Сообщества. Разработанный на основе декларации Договор к Энергетической хартии, принятый в Лиссабоне в декабре 1994 года и вступивший в силу в 1998 году, по сути, сфокусирован на двух основных механизмах обеспечения заявленных целей: свободный транзит энергоресурсов и защита иностранных инвестиций (торговые аспекты договора практически сразу потеряли значение с появлением ВТО и были модифицированы для приведения в соответствие с ее нормами). Основным дискуссионным вопросом на тот момент являлись положения, касающиеся обеспечения свободы транзитных потоков энергоресурсов. При этом второй механизм ДЭХ, призванный обеспечить привлечение иностранных инвестиций на недискриминационных условиях и их защиту, на первоначальном этапе не вызвал значимых дискуссий, возможно, потому что его потенциал не был на тот момент в достаточной степени оценен договаривающимися сторонами. Страны — потенциальные реципиенты ПИИ действовали в целях создания благоприятного инвестиционного климата для привлечения средств иностранных инвесторов, в которых крайне нуждались. В свою очередь страны — потенциальные инвесторы постарались заложить максимально благоприятные для себя условия при конфликтных ситуациях на уровне «частый инвестор — государство». Для этого ДЭХ предусматривал особый порядок разрешения инвестиционных споров, в соответствии с которым инвестор получал право на разбирательство в международном арбитраже (в Международном центре по урегулированию инвестиционных споров — МЦУИС — в Вашингтоне, в Арбитражном институте Между-

народной торговой палаты в Стокгольме или в арбитражном трибунале по регламенту ЮНСИТРАЛ). Данный механизм разрешения инвестиционных споров вне национальной судебной системы принимающего ПИИ государства формировался в 1950—1960-е годы и стал привычным элементом двухсторонних инвестиционных договоров (ДИД) между странами, что позволяло инвесторам из экономически развитых стран успешно отстаивать свои интересы в спорах с правительствами развивающихся стран третьего мира. ДЭХ стал первым многосторонним межгосударственным соглашением, интегрировавшим этот механизм, распространив его действие на энергетическую отрасль [Конопляник, 2010].

После вступления в силу в 1998 году ДЭХ начал вскоре использоваться как инструмент международными инвесторами, и поначалу он действительно работал в направлении Запад — Восток, как и ожидалось его архитекторами [Конопляник, 2011]. Первым арбитражным разбирательством на основании ДЭХ стал иск в 2001 году инвестора из Великобритании к Венгрии (на тот момент не являвшейся членом ЕС). В последующее десятилетие ответчиками по арбитражным разбирательствам в рамках ДЭХ становились Монголия, Болгария, Грузия, Словения, Турция, Азербайджан, Казахстан, Македония, а также Россия, подписавшая, но не ратифицировавшая ДЭХ [Рачков и др., 2016].

Вместе с тем к концу 2000-х среди ответчиков по инвестиционным искам в рамках ДЭХ стали появляться страны Евросоюза. И если ответчики — страны Восточной Европы, присоединившиеся к ЕС в рамках расширения 2004 и 2007 годов, укладываются в логику вектора Запад — Восток, то иск против Германии в 2009 году стал первым против «старого» члена ЕС. Этот иск, инициированный шведской компанией Vattenfall, можно также назвать первым иском, предъявленным к стране ЕС в связи с изменениями регуляторной среды под влиянием климатической политики и смены политической конъюнктуры. Стоит особо отметить, что, хотя Vattenfall и не получил положительного исхода арбитражного разбирательства (стороны достигли мирового соглашения), своих главных целей — получения разрешения на строительство и существенно большей сговорчивости властей — он все же добился. По сути, шведский концерн использовал механизм защиты инвестиций ДЭХ для оказания политического давления на германские органы власти [Попов и др., 2021]. Этот опыт был, очевидно, признан шведской компанией успешным, и в конфликтной ситуации в связи с решением об ускоренном выходе Германии из атомной энергетики она подала еще один иск в международный арбитраж против ФРГ, в 2012 году. А начиная с 2014 года на основании ДЭХ были поданы десятки исков различных инвесторов против Испании, Италии, Болгарии, Чехии, Германии

и других стран ЕС, связанных с изменениями в государственных программах стимулирования развития возобновляемой энергетики.

Серия исков, поданных в 2014—2016 годах и продолжающих поступать к Испании и Италии, получила название «солнечных», так как они были вызваны изменениями в программах государственного стимулирования развития солнечных электростанций, значительно ухудшивших доходность вложений в фотовольтаику [Ермакова, 2021]. Позже со схожими исками столкнулись Чехия, Болгария, Франция и Германия.

Особо следует выделить арбитражные иски в связи с решениями государств о прекращении или сокращении использования различных видов или мощностей традиционной энергетики, продиктованными климатической политикой. Помимо упоминавшегося процесса против Германии в связи с отказом от АЭС, это иски, связанные с решениями правительств об отказе от производства электроэнергии на угольных ТЭС. В 2021 году такие иски были поданы германскими концернами RWE и Uniper к Нидерландам в связи с решением прекратить работу угольных электростанций с 2030 года. А в 2023 году схожий иск был подан от швейцарского миноритарного акционера угольной ТЭС в Германии в связи с решением об отказе от угольной электроэнергетики к 2038 году.

К этой же категории с определенными допущениями можно отнести иск нефтегазовой компании Rockhopper к Италии из-за изменений в законодательстве, которые лишили инвестора права получить лицензию на разработку разведанного нефтяного морского месторождения нефти, а также иск Ascent Resources к Словении в связи с тем, что правительство требовало проведения дополнительной экологической экспертизы перед применением гидроразрыва пласта на газовом месторождении [Hinrichsen, 2024].

При этом было бы неправильно сказать, что механизм защиты иностранных инвестиций в энергетику стал использоваться только против мер климатической политики правительств европейских стран. На протяжении всего времени функционирования ДЭХ продолжал защищать инвесторов от различных дискриминационных и экспроприационных практик правительств. Однако с середины 2010-х годов ДЭХ стал объектом ожесточенной кампании различных климатических активистских организаций, обьявивших договор главным защитником углеводородной энергетики и тормозом экологической трансформации.

Перечень претензий, предъявляемых ДЭХ эоактивистами, достаточно длинный, начиная с отсутствия интегрированных экологических целевых показателей и заканчивая обвинениями в покровительстве предприятиям индустрии ископаемых видов топлива. Справедливо отмечая инструментальность угрозы международным арбитражем в спорах с правительства-

ми стран, эоактивисты особо выделяли иски, предъявленные в связи с отказом от угольных электростанций в Нидерландах и разработки морских месторождений в Италии. Иски предприятий возобновляемой энергетики эоактивисты не считают полезными для климатической повестки, так как их инициаторы, по большей части, являются институциональными инвесторами, а не собственно предприятиями-инноваторами. Петиция эоактивистов к Совету ЕС, Еврокомиссии и Европарламенту с призывом кардинально модернизировать, а лучше — демонтировать ДЭХ собрала подписи 278 независимых общественных организаций [Open Letter ..., 2019].

Нужно отметить, что серия «солнечных» исков действительно создала серьезную головную боль для правительств затронутых стран ЕС, причем Италия приняла решение выйти из ДЭХ, формально прекратив свое членство с начала 2016 года. Этот шаг сложно назвать взвешенной стратегией, так как, по сути, Италия мало что изменила для себя в отношении рисков арбитражных разбирательств. Дело в том, что в ДЭХ была заложена особая оговорка, продлевающая возможность подачи арбитражных исков в течение еще 20 лет с момента выхода из договора («закатная» оговорка). Защиту ДЭХ потеряют только инвестиции, сделанные после 2016 года.

Выход Италии из договора, давление эоактивистов и ряд иных соображений побудили Евросоюз искать пути изменения ДЭХ. Инициированные Евросоюзом консультации по модернизации договора идут с 2018 года [Roiger-Simek, 2021]. Основные предлагаемые направления модернизации подразумевают исключение из защиты инвестиции в энергетику ископаемых видов топлива, сокращение срока «закатной оговорки» до 10 лет, регулирование арбитражных разбирательств, а также исключение из процедуры возможности подачи исков инвесторов из стран одного «регионального экономического интеграционного объединения» к странам этого же регионального объединения [Belyi, 2021].

В результате нескольких раундов переговоров стороны ДЭХ согласовали в июне 2022 года принципиальный текст нового соглашения. Однако итоговый документ не устроил как климатических активистов, объявивших полученные уступки поражением климатического движения [IISD ..., 2022]¹, так и Европарламент, который рассчитывал увидеть в тексте договора более жесткие меры по отказу от защиты инвесторов нефтегазовой отрасли и полной отмены процедуры международного арбитража [European parliament, 2022]. В октябре 2022 года Еврокомиссия представила Совету Европы проект резолюции об утверждении согласованного текста

1 IISD, Newly Released Text for Modernized Energy Charter Treaty Shows Too Many Potential Obstacles for Climate Action (13 September 2022), available at: <https://www.iisd.org/articles/statement/newly-released-text-modernized-energy-charter-treaty>

модернизированной энергетической хартии, однако этот проект не набрал необходимого числа голосов. Таким образом, Еврокомиссии не удалось достичь консенсуса даже в рамках Евросоюза. И хотя суммарно страны Евросоюза составляют больше половины голосов в конференции ДЭХ, невозможность соглашения даже только в рамках ЕС поставила под вопрос реализуемость модернизации ДЭХ [European Commission, 2023]. В ноябре 2022 года Европарламент призвал Еврокомиссию немедленно инициировать скоординированный выход стран-членов и самого ЕС из ДЭХ. Соответствующий проект резолюции был представлен Еврокомиссией в июле 2023 года. Нужно отметить, что к этому моменту (декабрь 2022) Германия, Франция, Польша уже подали уведомления о своем выходе из договора (выход считается осуществленным по прошествии года с даты подачи). В октябре 2023 года их примеру последовали Люксембург и Словения, а в феврале 2024 — Португалия. Также о намерении покинуть ДЭХ заявляли Испания, Нидерланды, Дания и Ирландия.

Наконец, в марте 2024 года Совет ЕС утвердил скоординированный выход ЕС из ДЭХ, а в июне 2024 года было подано соответствующее официальное уведомление. Скоординированность выхода означает, что после выхода Евросоюза из договора, в силу разделения компетенций, ни одна из стран ЕС не может остаться стороной ДЭХ, если только на то не будет дано отдельное согласование Совета ЕС [European Commission, 2024].

3.2. Климатическая политика, блокированные активы и проблема компенсаций

Таким образом, за почти тридцать лет Евросоюз прошел путь от создателя ДЭХ до его противника. В чем же причина подобной трансформации и действительно ли ДЭХ стал жертвой климатической политики ЕС? Еврокомиссия в своем предложении о выходе из договора подчеркивает, что ДЭХ более не совместим с климатическими целями «Зеленой сделки» ЕС и Парижским соглашением, в соответствии с которым страны-подписанты декларировали цель приведения финансовых потоков в соответствие с задачами климатической политики (ст. 2, п. 1 С) [Парижское соглашение..., 2015]. Еврокомиссия указывает, что защита инвестиций в сектора энергетики, связанные с ископаемыми видами топлива, противоречит этим целям. Аналогичные положения содержатся в резолюциях Европарламента, призывавшего к скорейшему прекращению членства ЕС в договоре, несовместимом с Парижским соглашением и экологическими целями Евросоюза. Симптоматичной можно также считать реакцию экологических НКО на решение Совета Европы о выходе из ДЭХ, объявивших об очередной победе экологического движения.

Вместе с тем при ближайшем рассмотрении аргументы о несовместимости ДЭХ с климатической политикой выглядят несостоятельными. В Па-

рижском соглашении 2015 года нет требования о прекращении инвестиций в ископаемые виды топлива, а ДЭХ не отдает предпочтений какой-либо конкретной технологии или источнику энергии. Более того, арбитражные разбирательства, отстаивающие вложения в нефтегазовые и прочие активы, составляют меньшинство и теряются на фоне исков, призванных защитить интересы инвесторов в возобновляемую энергетику (34 % и 59 % от всех исков) [Energy Charter ..., 2023]. ДЭХ вообще не содействует направлению финансовых потоков в какое-то конкретное направление; его функционал — не привлекать инвестиции, а защищать их. Владельцы угольных ТЭС в Нидерландах, подавшие иск в международный арбитраж, вовсе не стараются противодействовать климатической политике правительства страны, как это представлено в резолюции Европарламента, а всего лишь требуют компенсации за досрочный принудительный вывод актива из эксплуатации.

Именно этим ДЭХ оказался неудобен правительствам стран ЕС, реализующим экологическую трансформацию экономики. Основным проблемным моментом является то, что ДЭХ предусматривает выплату компенсации инвестору в случае прямой или косвенной экспроприации, что интерпретируется достаточно широко, например, уменьшение прибыли или невозможность ее получения в случае изменения государственного регулирования. Сюда же относятся случаи досрочного вывода активов из эксплуатации, если это произошло не по экономическим причинам, а в принудительном порядке по решению госорганов (так называемые «блокированные активы», *stranded assets*) [Tienhaara et al., 2020]. Тем самым правительства, меняющие условия стимулирования (например, снижающие размер вознаграждения за «зеленую» электроэнергию) или запрещающие генерацию определенного вида (например, угольную или атомную), оказываются в сложной ситуации. По мнению инвесторов, выпадающие прибыли и потерянные инвестиции должны быть возмещены. И если при принятии этих мер правительствами не были предусмотрены какие-либо компенсации, то инвесторы обоснованно подают в суд против таких действий. Причем это может быть как национальный суд, так и международный арбитражный в соответствии с ДЭХ. Неудивительно, что правительства при принятии решений в рамках энергоперехода ощущают себя «связанными» ДЭХ [Vaaranmaa, 2021].

На самом деле ДЭХ, по большому счету, ни при чём. Экологическая трансформация, инициированная в общественных интересах, не всегда следует логике максимизации экономической выгоды и зачастую вступает с ней в прямое противоречие. Энергопереход неизбежно сопровождается своего рода негативными побочными эффектами, которые приходится также преодолевать. Например, отказ от угольной промышленности влечет за

собой деградацию угледобывающих регионов со всем вытекающим комплексом социоэкономических проблем. Другим побочным эффектом является рост тарифов на электроэнергию и топливо для населения, провоцирующий увеличение энергетической бедности. На решение этих и других возникающих проблем необходимы средства, которые поступают из бюджетов стран ЕС, а значит, из налогов того же населения и бизнеса.

Необходимость выплаты компенсаций компаниям энергетической отрасли еще больше увеличивает размер необходимых для реализации климатической политики средств. Компенсации также финансируются из государственных бюджетов, что ставит правительства перед непростой дилеммой: либо искать соглашения с энергетическими концернами, либо, рискуя оказаться втянутым в судебные разбирательства, последовать логике экологических НКО, считающих, что энергетические компании традиционной углеродной энергетики в долгу у общества за тот урон, который они нанесли окружающей среде за многие годы, и потому не заслуживают компенсации [Dauphin et al., 2020].

Нужно отметить, что в ЕС можно обнаружить примеры использования обоих подходов. Так, при принятии решения правительством Германии в 2011 году об ускоренном выходе из атомной энергетики не были предусмотрены какие-либо компенсации энергетическим компаниям, эксплуатирующим АЭС. Это привело к длительным судебным разбирательствам в рамках германской судебной системы, которые закончились признанием неправомерности решения правительства и обязательством выплатить компенсации концернам.

Правительство ФРГ учло этот опыт при подготовке решения о постепенном отказе от угольной электроэнергетики, и в итоговый пакет вошло соглашение о компенсациях энергоконцернам [Зимаков, 2021]. Несмотря на это, ФРГ все же столкнулось с арбитражным иском от швейцарского миноритарного акционера Azienda Elettrica Ticinese угольной ТЭС Люнен (она должна быть остановлена в 2032 году), не получившего компенсацию в рамках соглашения по выходу из угольной энергетики.

Таким образом, даже при наличии политической воли к поиску компромиссного решения не всегда получается учесть интересы всех сторон, и инвесторы, которые посчитают свои интересы ущемленными, могут подать иск в международный арбитраж. Означает ли это, однако, что их претензии будут автоматически удовлетворены? И действительно ли правительства европейских стран членов ДЭХ связаны режимом инвестиционной стабильности и не могут осуществлять энергопереход или же лишены гибкости в вопросах регулирования и изменений мер стимулирования развития ВИЭ? Арбитражная практика показывает, что это не так.

Арбитражные трибуналы, рассматривая иски, связанные с изменением условий стимулирования возобновляемой энергетики, в частности, снижением правительствами тарифов на зеленую электроэнергию и изменением принципов расчета вознаграждения за произведенное электричество, неоднократно подчеркивали, что государство обладает суверенным правом реализовывать ту или иную политику в общественных интересах. Инвестор не должен ожидать, что тарифы или размер вознаграждения просуществуют весь срок полезной эксплуатации построенного энергетического объекта, если только государством не были даны конкретные гарантии [Vig, 2022]. Наконец, бизнес должен понимать, что производит инвестиции в условиях не статичной, а развивающейся ситуации. Основываясь на таком подходе, как правило, по «солнечным» искам трибуналы не подтверждали нарушение государством «обоснованных и разумных ожиданий» инвесторов и отказывали в компенсации [Hajdu, 2020]. При такой трактовке даже у концернов RWE и Uniper, добивавшихся компенсаций от правительства Нидерландов за досрочное закрытие своих новых угольных ТЭС, получается достаточно слабая позиция. Действительно, в 2015—2016 годах, когда новейшие угольные электростанции Маасвлакте 3 и Эймсхаген вводились в эксплуатацию, в Нидерландах не просматривался выход из угольной энергетики. Однако на фоне общеевропейских тенденций эти инвестиции уже тогда вызывали как минимум недоумение [Зимаков, 2017]. Например, в соседней Бельгии последняя угольная ТЭС в стране была закрыта как раз в эти годы.

Таким образом, международный арбитраж в рамках ДЭХ не ограничивает правительства стран ЕС в их праве реализовывать климатическую политику в интересах всего общества. Если же государство действительно нарушает права инвестора, то такие ситуации признают незаконными даже национальные суды, как это было в случае с ускоренным выходом Германии из атомной энергетики. Чем же тогда разбирательство в международном арбитраже не устраивает правительства стран ЕС?

3.3. Международный инвестиционный арбитраж и принципы автономности и приоритета права ЕС

Причин этому несколько, и начать стоит с более частного случая, когда арбитражное разбирательство инициирует инвестор из другой страны ЕС. Следует сразу оговориться, что такое возможно не только в рамках ДЭХ. Гораздо более распространенной практикой (порядка трех четвертей всех исков) явились арбитражные разбирательства в рамках двусторонних инвестиционных договоров (ДИД), основная масса которых была заключена в 1990-е годы между странами ЕС и восточно-европейскими государствами с целью поощрения экономической интеграции в европейское пространство. Однако после вступления в ЕС эти договоры, содержавшие

стандартную арбитражную оговорку, стали использоваться для разрешения споров «инвестор — государство» уже в рамках Евросоюза. Такая практика вызвала крайне негативную реакцию как Еврокомиссии, так и европейской судебной системы, на протяжении долгих лет развивавших принципы автономности и приоритета права ЕС: разбирательство в международном суде в обход европейской судебной системы противоречит праву ЕС. Инвестор должен искать решения своей конфликтной ситуации в соответствии с правом ЕС в судебной системе того государства, к которому у него возникли претензии, а в случае несогласия с решением суда апеллировать к вышестоящим судам ЕС [Гурова, 2016].

Более того, принципы автономности и приоритета права ЕС подразумевают независимость как от национального законодательства стран-членов, так и от международного права [Исполинов, 2021]. Это означает, что международные соглашения стран-членов не должны нарушать распределение компетенций между ЕС и государствами. Так как по Лиссабонскому договору при определении компетенций ЕС и государств сфера координирования инвестиционной политики была закреплена за Евросоюзом, само наличие ДИД между членами Евросоюза оказалось противоречащим праву ЕС.

В результате последовательной политики Еврокомиссии по демонтажу внутриевропейских ДИД на основе «эпохального» решения Суда ЕС по делу *Achmea* в 2018 году [Nagy, 2019] в мае 2020 года было подписано многостороннее соглашение между странами ЕС о прекращении всех «внутренних» ДИД (Agreement for the Termination of Bilateral Investment Treaties between the Member States of the European Union, OJ L 206 of 29 May 2020). Однако при этом остался вопрос о допустимости «внутренних» инвестиционных споров в международном арбитраже в соответствии с иными международными договорами, и в первую очередь с ДЭХ, почти три четверти арбитражных разбирательств в рамках которого инициированы «внутри» ЕС.

Свою позицию по данному вопросу Еврокомиссия сформулировала еще в 2017 году, реагируя на «солнечные иски» к Испании. Еврокомиссия продекларировала, что, исходя из принципов автономности и приоритета права ЕС, разбирательство в международном арбитраже между странами ЕС и инвесторами из ЕС противоречит праву ЕС, что также относится к инвестиционным спорам в рамках ДЭХ. При этом Еврокомиссия все же признала законность арбитражных исков в рамках ДЭХ между странами ЕС и другими странами [European Commission, 2017]. Эту же позицию занял Суд ЕС в сентябре 2021 году в решении по делу *Komstroy* [Odermatt, 2021].

Как было сказано, реализовать свою позицию по выведению внутриевропейских споров за рамки ДЭХ и международного арбитража Евроко-

миссия намеревалась посредством модернизации договора. Интересно отметить, что согласованный проект нового соглашения сохранил арбитражную процедуру, но из нее исключены споры внутри регионального экономического объединения, что есть ЕС. По-видимому, для Еврокомиссии приоритетными были все же два вопроса: исключение арбитража внутри ЕС и сокращение срока «закатной» оговорки. Однако именно оставшаяся арбитражная оговорка в обновленной версии ДЭХ стала одной из основных претензий Европарламента, отказавшегося поддержать модернизацию ДЭХ и призывавшего покинуть договор.

Существующая система международного инвестиционного арбитража становилась неоднократно предметом критики различных политических сил как в Европарламенте, так и в Еврокомиссии. Предъявляемые к ней претензии включают непрозрачность процессов, их затратность и длительность, а также отсутствие стандарта определения суммы компенсации, что приводит к значительному разрыву в суммах, присужденных либо разными трибуналами, либо национальными и международными арбитражными судами [Damages ..., 2023]. При этом Евросоюз разрабатывает собственный механизм разрешения инвестиционных споров, основанный на создании особых инвестиционных судов [Titi, 2015]. Подобный механизм Еврокомиссия включает во вновь заключаемые торговые соглашения, например, во Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение с Канадой [Макаренкова, 2016]. По сути, Евросоюз взял курс на разрыв со сложившейся практикой международного арбитражного права не только в инвестиционных спорах внутри ЕС, но во внешних договорах. Данный процесс протекает достаточно болезненно и наталкивается на сопротивление, однако ЕС продолжает достаточно жестко продавливать свою позицию [Шайдуллина, 2018]. Продолжение участия в «старой» системе международного арбитража в рамках ДЭХ противоречило бы этому тренду [Kehl et al., 2024].

Нельзя сказать, что в свете реформы инвестиционной политики и практики ЕС выход из ДЭХ был практически предрешен, однако, безусловно, данный фактор сыграл существенную, если не ведущую роль при принятии окончательного решения. При этом выход из договора не означает прекращение арбитражной практики, так как еще в течение 20 лет сохраняются обязательства по уже реализованным инвестициям благодаря или по вине «закатной» оговорки: Италия продолжает получать иски, несмотря на выход из ДЭХ с 2016 года. Защиты лишаются только новые инвестиции. Так был ли в этом экономический смысл?

Вероятно, что да, даже с учетом 20-летней оговорки. Во-первых, Еврокомиссия давно прорабатывает вариант прекратить действие этой оговорки между странами ЕС в рамках особого соглашения, по аналогии, как это

было сделано с ДИД [Braoudakis et al., 2024]. Во-вторых, Евросоюз уже, по сути, объявил все иски на основании ДЭХ внутри ЕС «вне закона» и успешно продвигает эту позицию в международных арбитражах. Так, иск RWE к Нидерландам был признан не соответствующим закону Федеральным верховным судом Германии в ответ на запрос, сделанный правительством Нидерландов (в итоге прекращены оба арбитражных разбирательства: Uniper отозвал свой иск как часть соглашения с правительством Германии о финансовой помощи в связи с предбанкротным состоянием). Остается вопрос с международными инвесторами, однако у Евросоюза есть козырь, который тот пока не спешит использовать в этом ключе, а именно принципы автономности и приоритета права ЕС. Вместе с тем примеров их одностороннего применения Евросоюзом не наблюдается, и такое действие будет негативно воспринято международными инвесторами и отрицательно повлияет на инвестиционную привлекательность Евросоюза, в то время как ЕС нуждается в значительном объеме инвестиций для дальнейшей реализации энергоперехода и экологической трансформации хозяйства.

Этот объем будущих инвестиций — достаточно весомый аргумент в пользу выхода ЕС из ДЭХ. Ведь в противном случае их сумма превратится в размер будущих рисков для правительств стран ЕС, которые сложно заранее учесть в условиях развивающегося процесса. Как пойдет развитие тех или иных технологий, какие меры стимулирования и какие изменения в законодательстве придется предпринять в будущем, просчитать сложно. Например, как будет развиваться водородная энергетика? Ведь необходимо создавать этот рынок с нуля — развивать как предложение (производство водорода), так и его потребление (разрабатывать двигатели, турбины и котельное оборудование, а также всю посредническую инфраструктуру). Каждый из этих элементов несет свои риски, и не факт, что все сработает так, как ожидается, и водородная экономика состоится. В этом контексте даже гипотетическая угроза разбирательств в международном арбитраже с гибкой системой оценки размера убытков может обернуться непредсказуемыми финансовыми последствиями.

С другой стороны, для международных инвесторов фактор политических рисков в этих условиях становится крайне важным — что правительства стран ЕС не попытаются переложить свои недоработки и упущения на плечи компаний. Каким образом Евросоюз планирует решить проблему гарантий и обеспечить привлекательность новых инвестиций в энергетику при отсутствии защиты ДЭХ, пока неясно. Еврокомиссия утверждает, что механизмы защиты инвестиций, подобные ДЭХ, не потребуются для привлечения международных инвесторов, так как ЕС предлагает высокий уровень доступа к правовой защите и верховенство права. Насколько

оценят такой подход инвесторы из Японии, Великобритании, Швейцарии и других стран, покажет время. Пока Евросоюз сам ограничивает доступ некоторых инвесторов к ряду отраслей [Кулинич, 2024], всё больше сокращая круг потенциальных инвесторов.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, транслируемые в медийном пространстве заявления о необходимости выхода ЕС из ДЭХ для ликвидации блокирующего экологическую трансформацию механизма, который защищает индустрию ископаемых видов топлива, являются лишь внешней публичной стороной гораздо более глубоких процессов. По мере становления и развития комплексной инвестиционной политики ЕС старые инвестиционные договоры стран-членов — двусторонние и многосторонние — оказались несовместимыми с новыми подходами. Постулируемые принципы автономности и приоритета права ЕС также входят в конфликт с механизмом международного арбитражного разбирательства, заложенного в ДЭХ. Наконец, ДЭХ оказался одной из «точек кристаллизации» проблематики, кто оплачивает европейскую экологическую трансформацию: общество или бизнес? Ведь, по сути, основным вопросом арбитражных споров «инвестор — государство» является не сам политический акт, а урегулирование его последствий. Бизнес требует компенсаций за те убытки, которые он понес в результате проводимой государством политики, в данном случае климатической, которая, как известно, не всегда реализуется последовательно. Однако в случае выплаты компенсаций бизнесу эти убытки оплачивает общество, которое и без того платит высокую цену за экологическую трансформацию, например, за счет более высоких цен на электроэнергию, поэтому многие правительства негативно воспринимают эту практику и стараются ее, при возможности, избежать. Механизм ДЭХ стал инструментом бизнеса в этом споре, сопротивляющегося попыткам государства переложить на него часть затрат.

Европа проделала большой путь за те тридцать лет, которые прошли с основания ДЭХ. ЕС находится в постоянном развитии, в котором процесс трансформации затрагивает самые разные сферы политической и хозяйственной деятельности. Неудивительно, что контекст, в котором разрабатывался ДЭХ, изменился настолько, что ДЭХ начал плохо вписываться в новые европейские реалии.

Несмотря на все эти причины, выход ЕС из ДЭХ не был единственным возможным решением. Большинство задач было возможно решить путем модернизации договора, однако в итоге возобладали радикальный подход. Несмотря на то, что ранее сделанные инвестиции сохраняют защиту на про-

тяжении последующих 20 лет после выхода из ДЭХ, это уже не затронет новые инвестиции в «зеленую» энергетику. Если учесть развивающийся характер экологической трансформации и относительно сложную предсказуемость отдельных мер климатической политики, остается открытым вопрос привлекательности европейской энергетики для потенциальных ПИИ. Отменяя механизм защиты международного инвестиционного арбитража ДЭХ, ЕС предлагает потенциальным инвесторам правовую защиту стран ЕС, которая не всегда может оказаться достаточной с учетом разного состояния правовых систем и практик различных членов Евросоюза. Возможно, такой гарантией сможет стать создаваемая система европейских инвестиционных судов, однако пока что баланс сил уравнения «инвестор — государство» смещается в пользу последнего.

Выход Евросоюза из ДЭХ также ставит вопрос о дальнейшем будущем ДЭХ. Сможет ли договор продолжить существование без своих основателей? Сохранит ли он свою привлекательность для других стран? Однозначного ответа на этот вопрос пока нет. С одной стороны, секретариат ДЭХ в последние годы вел активную деятельность по расширению круга государств-членов и по их вовлечению в процесс модернизации, в том числе в рамках Международной энергетической хартии (обновленная политическая декларация 2015 года, призванная дать ДЭХ более глобальное измерение, чем Европейская энергетическая хартия 1991 года). С другой стороны, среди стран третьего мира также существует движение эоактивистов, для которых выход ЕС из договора является сильным аргументом против членства [Nabimanya et al., 2023], а также противников ДЭХ как проявления энергетического колониализма [Energy Colonialism ..., 2023]. Не давая прогнозов, отметим, что, разрабатывая ДЭХ, европейские государства создали очень устойчивый механизм, способный, как оказалось, противостоять своим создателям и даже пережить их выход, при этом продолжая удерживать их в своей орбите на протяжении последующих двадцати лет.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ДЭХ — *Договор к Энергетической хартии 1994 года* // Портал Секретариата Энергетической хартии. — Режим доступа : <https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/ECT-ru.pdf> (дата обращения 30.05.2024).
2. МЦУИС — *Международный центр урегулирования инвестиционных споров*, г. Вашингтон [Электронный ресурс] // Портал Всемирного банка. База данных арбитражных дел. — Режим доступа : <https://icsid.worldbank.org/cases/case-database> (дата обращения 30.05.2024).

3. Конопляник А. А. Договор упущенных возможностей. Энергетическая хартия пока остается вне поля зрения России. / А. А. Конопляник // «Независимая газета», ежемесячное приложение «НГ-Энергия» : [газета]. — 12.03.2019. — С. 12—13.

4. Парижское соглашение 12 декабря 2015 года [Электронный ресурс] // Портал ООН. — Режим доступа : https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf (дата обращения 30.05.2024).

5. Dauphin et al. The Energy Charter Treaty : an axe to climate action — 10 reasons the EU and governments must quit the Energy Charter Treaty [Electronic resource] // Friends of Earth Europe, May 2020. — Access mode : <https://friendsoftheearth.eu/publication/the-energy-charter-treaty-an-axe-to-climate-action/> (accessed 30.05.2024).

6. Energy Charter Secretariat. 150 investment arbitration cases instituted under the Energy Charter Treaty [Electronic resource]. — Access mode : https://www.energychartertreaty.org/fileadmin/DocumentsMedia/Statistics/Chart_ECT_cases_-_1_June_2022.pdf (accessed 30.05.2024).

7. Energy Charter Secretariat Statistics of ECT Cases [Electronic resource]. — 2023. — Access mode : https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Disputes/20230501_-_Statistics_-_Cases_under_the_Energy_Charter_Treaty.pdf (accessed 30.05.2024).

8. European Commission. State aid SA.40348 (2015/NN) — Spain Support for electricity generation from renewable energy sources, cogeneration and waste [Electronic resource] // 7384 final, Brussels, 10.11.2017. — Access mode : https://ec.europa.eu/competition/state_aid/cases/258770/258770_1945237_333_2.pdf (accessed 30.05.2024).

9. European Commission. Proposal for a Council decision on the withdrawal of the Union from the Energy Charter Treaty [Electronic resource] // COM(2023)447 final, Brussels, 7.7.2023. — Access mode : <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52023PC0447> (accessed 30.05.2024).

10. European Commission. Proposal for a Council Decision on the position to be taken on behalf of the European Union in the Energy Charter Conference [Electronic resource] // COM (2024) 104 final, Brussels, 1.3.2024. — Access mode : [https://ec.europa.eu/transparency/documents-register/api/files/COM\(2024\)104_0/090166e509d92685?rendition=false](https://ec.europa.eu/transparency/documents-register/api/files/COM(2024)104_0/090166e509d92685?rendition=false) (accessed 30.05.2024).

11. European Parliament. Resolution on the outcome of the modernisation of the Energy Charter Treaty [Electronic resource] // 2022/2934(RSP). — 2022. — Access mode : https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2022-0421_EN.html (accessed 30.05.2024).

12. IISD, Newly Released Text for Modernized Energy Charter Treaty Shows Too Many Potential Obstacles for Climate Action. — 13 September 2022. — Access mode : <https://www.iisd.org/articles/statement/newly-released-text-modernized-energy-charter-treaty> (accessed 30.05.2024).

13. Nabimanya J. The Energy Charter Treaty : Current state of play, implications for climate action in the Global South and recommendations [Electronic resource] / J. Nabimanya, C. Batte // Kampala. SEATINI Policy brief. — 5 May 2023. — Access mode : <https://seatiniuganda.org/download/energy-charter-treaty-current-state-of-play-issues-and-recommendations/> (accessed 30.05.2024).

14. Open Letter On The Energy Charter Treaty [Electronic resource]. — 9 December 2019. — Access mode : https://foeeurope.org/sites/default/files/eu-us_trade_deal/2019-enct-open-letter1.pdf (accessed 30.05.2024).

Литература

1. Гудков И. В. «Экологизация» экономических отношений в праве (на примере энергетической отрасли) / И. В. Гудков // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2020. — № 5. — С. 124—141. — DOI: 10.12737/jfcl.2020.046.
2. Гурова И. П. Противоречия реформы инвестиционных соглашений в Евросоюзе / И. П. Гурова // Экономика, предпринимательство и право. — 2016. — № 3 (32). — С. 303—314. — DOI: 10.18334/erpp.6.3.36154.
3. Ермакова Е. П. «Солнечные» споры : может ли выход Италии из Договора к Энергетической хартии привести к его краху? / Е. П. Ермакова // Государство и право. — 2022. — № 3. — С. 150—163. — DOI: 10.31857/S102694520019171-9.
4. Зимаков А. В. Есть ли будущее для угольных ТЭС в Европе? / А. В. Зимаков // Вестник МГИМО Университета. — 2017. — № 5 (56). — С. 130—150. — DOI: 10.24833/2071-8160-2017-5-56-130-150.
5. Зимаков А. В. Политика отказа Германии от атомной энергетики : от конфликта к компромиссу. / А. В. Зимаков // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 359—377. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-359-377.
6. Исполинов А. С. Принципы автономности и приоритета права ЕС как оружие Суда Европейского союза в конфликте с инвестиционными арбитражами. Дело Achmea / А. С. Исполинов // Российский юридический журнал. — 2021. — № 2. — С. 56—77. — DOI: 10.34076/20713797_2021_2_56.
7. Конопляник А. А. Договор к Энергетической хартии : разрушить нельзя модернизировать / А. А. Конопляник // ЭКО : Всероссийский экономический журнал. — 2011. — № 2. — С. 118—136.
8. Конопляник А. А. Россия и Энергетическая хартия: долгий и извилистый путь навстречу друг другу / А. А. Конопляник // ЭКО : Всероссийский экономический журнал. — 2010. — № 12. — С. 114—132.
9. Кулинич А. Д. Регулирование прямых иностранных инвестиций в Европейском союзе / А. Д. Кулинич // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. — 2024. — № 1. — С. 53—63. — DOI: 10.15211/vestnikieran120245363.
10. Макаренкова А. К. Регулирование инвестиционной деятельности в соглашениях ЕС о свободной торговле / А. К. Макаренкова // Право и управление. XXI век. — 2016. — № 3. — С. 78—86.
11. Попов Е. В. Вызовы для международных инвесторов в контексте экологизации энергетики в ЕС : сравнительный обзор практики Германии / Е. В. Попов, А. В. Зимаков // Сравнительная политика. — 2021. — № 12. — С. 47—55. — DOI: 10.24412/2221-3279-2021-10039.
12. Рачков И. В. Дело «ЮКОС против Российской Федерации» и вопрос о юрисдикционном иммунитете государства / И. В. Рачков, Н. А. Чурилина // Московский журнал международного права. — 2016. — № 3. — С. 49—67. — DOI: 10.24833/0869-0049-2016-3-49-67.
13. Шайдуллина В. К. Двусторонние договоры Европейского Союза и третьих стран в сфере защиты иностранных инвестиций : проблемы правоприменения / В. К. Шайдуллина // Общество : политика, экономика, право. — 2018. — № 3. — С. 80—83. — DOI: 10.24158/per.2018.3.16.
14. Шиянов А. В. Основные направления модернизации инвестиционного режима договора к энергетической хартии / А. В. Шиянов // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2023. — № 3. — С. 42—49. — DOI: 10.18522/2313-6138-2023-10-3-6.

15. Belyi A. The Energy Charter process in the face of uncertainties / A. Belyi // The Journal of World Energy Law & Business. — 2021. — Vol. 14. — Issue 5. — Pp. 363—375. — DOI: 10.1093/jwelb/jwab032.
16. Braoudakis N. Neutralising the ECT Sunset Clause Inter Se / N. Braoudakis, R. Craveia, C. Baldon // ICSID Review — Foreign Investment Law Journal. — 2024. — Vol. 39. — Issue 1. — Pp. 7—8. — DOI: 10.1093/icsidreview/siae011.
17. Damages and ISDS Reform : Between Procedure and Substance / J. Bonnitcha, M. Langford, J. Alvarez-Zarate, D. Behn // Journal of International Dispute Settlement. — 2023. — Vol. 14. — Issue 2. — Pp. 213—241. — DOI: 10.1093/jnlids/idad034.
18. Energy Colonialism : A Category to Analyse the Corporate Energy Transition / J. Sánchez Contreras, A. M. Matarán Ruiz, A. Campos-Celador, E. M. Fjellheim // Land. — 2023. — Vol. 12. — Pp. 12—41. — DOI: 10.3390/land12061241.
19. Hajdu G. Recent Investment Cases Against EU Member States : Europe's Green Energy Policies Under Threat? / G. Hajdu // Sociálne Vedy Z Perspektívy Mladých Vedeckých Pracovníkov. — 2020. — Vol. IV. — Pp. 124—128. — DOI: 10.34135/svpmvpIV.191014.
20. Hinrichsen E. Reconciling International Climate Law and the Energy Charter Treaty through the Use of Integrative Interpretation in Arbitration / E. Hinrichsen // Laws. — 2024. — Vol. 13. — P. 24. — DOI: 10.3390/laws13020024.
21. Kehl Ph. The Energy Charter Treaty at a Tipping Point — Modernization Efforts, Withdrawal Plans and their Legal Consequences / Ph. Kehl, S. Wuschka // ZEuS Zeitschrift für Europarechtliche Studien. — 2024. — № 1. — Pp. 59—90. — DOI: 10.5771/1435-439X-2024-1-59.
22. Nagy C. I. Introduction : Intra-EU BITs after Achmea — A cross-cutting issue / C. I. Nagy. — Cheltenham, UK : Edward Elgar Publishing, 2019. — Pp. 1—13. — DOI: 10.4337/9781788115179.00009.
23. Odermatt J. Is EU Law International? Case C-741/19 Republic of Moldova v Komstroy LLC and the Autonomy of the EU Legal Order / J. Odermatt // European Papers. — 2021. — Vol. 6. — № 3. — Pp. 1255—1268. — DOI: 10.15166/2499-8249/522.
24. Roiger-Simek K. The Modernization of the Energy Charter Treaty : Dead in the Water? / K. Roiger-Simek // Austrian Review of International and European Law. — 2021. — Vol. 26. — Pp. 121—146. — DOI: 10.1163/15736512-02601005.
25. Tienhaara K. Raising the cost of climate action? Investor-state dispute settlement and compensation for stranded fossil fuel assets / K. Tienhaara, L. Cotula. — London : IIED, 2020. — 59 p.
26. Titi C. International Investment Law and the European Union : Towards a New Generation of International Investment Agreements / C. Titi // The European Journal of International Law. — 2015. — Vol. 26. — № 3. — Pp. 639—661. — DOI: 10.1093/ejil/chv040.
27. Vaaranmaa O. The Energy Charter Treaty, Frivolous Claims and the Looming Threat of Investor-state Dispute Settlement : Any Hope from the EU's Modernisation Proposal? / O. Vaaranmaa // Groningen Journal of International Law. — 2021. — Vol. 8. — № 2. — Pp. 270—287. — DOI: 10.21827/GroJIL.8.2.270-287.
28. Víg Z. Legitimate expectations in the arbitral practice of green energy cases under the Energy Charter Treaty / Z. Víg // Hungarian Journal of Legal Studies. — 2022. — Vol. 62. — № 2. — Pp. 115—130. — DOI: [10.1556/2052.2022.00347](https://doi.org/10.1556/2052.2022.00347).

Статья поступила в редакцию 28.05.2024,
одобрена после рецензирования 25.07.2024,
подготовлена к публикации 02.08.2024.

Material resources

- Dauphin et al. (2020). The Energy Charter Treaty: an axe to climate action — 10 reasons the EU and governments must quit the Energy Charter Treaty. *Friends of Earth Europe*, May. Available at: <https://friendsoftheearth.eu/publication/the-energy-charter-treaty-an-axe-to-climate-action/> (accessed 30.05.2024).
- ECT — Energy Charter Treaty of 1994. *Portal of the Energy Charter Secretariat*. Available at: <https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/ECT-ru.pdf> (accessed 30.05.2024). (In Russ.).
- Energy Charter. (2023). *Secretariat Statistics of ECT Cases*. Available at: https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Disputes/20230501_-_Statistics_-_Cases_under_the_Energy_Charter_Treaty.pdf (accessed 30.05.2024).
- Energy Charter Secretariat. *150 investment arbitration cases instituted under the Energy Charter Treaty*. Available at: https://www.energychartertreaty.org/fileadmin/DocumentsMedia/Statistics/Chart_ECT_cases_-_1_June_2022.pdf (accessed 30.05.2024).
- European Commission. Proposal for a Council Decision on the position to be taken on behalf of the European Union in the Energy Charter Conference. (2024). *COM 104 final, Brussels, 1.3*. Available at: [https://ec.europa.eu/transparency/documents-register/api/files/COM\(2024\)104_0/090166e509d92685?rendition=false](https://ec.europa.eu/transparency/documents-register/api/files/COM(2024)104_0/090166e509d92685?rendition=false) (accessed 30.05.2024).
- European Commission. Proposal for a Council decision on the withdrawal of the Union from the Energy Charter Treaty. (2023). *COM(2023)447 final, Brussels, 7.7*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52023PC0447> (accessed 30.05.2024).
- European Commission. State aid SA.40348 (2015/NN) — Spain Support for electricity generation from renewable energy sources, cogeneration and waste. (2017). *7384 final, Brussels, 10.11*. Available at: https://ec.europa.eu/competition/state_aid/cases/258770/258770_1945237_333_2.pdf (accessed 30.05.2024).
- European Parliament. Resolution on the outcome of the modernisation of the Energy Charter Treaty. (2022). *2022/2934(RSP)*. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2022-0421_EN.html (accessed 30.05.2024).
- ICSID — International Center for Settlement of Investment Disputes, Washington. *The World Bank portal. Database of arbitration cases*. Available at: <https://icsid.worldbank.org/cases/case-database> (accessed 30.05.2024). (In Russ.).
- IISD, *Newly Released Text for Modernized Energy Charter Treaty Shows Too Many Potential Obstacles for Climate Action*. 13 September 2022. Available at: <https://www.iisd.org/articles/statement/newly-released-text-modernized-energy-charter-treaty> (accessed 30.05.2024).
- Konoplyanik, A. A. (2019). The contract of missed opportunities. The Energy Charter remains out of sight of Russia for the time being. *Nezavisimaya Gazeta, monthly supplement NG-Energiya: [newspaper]*. 03/12. 12—13. (In Russ.).
- Nabimanya, J. (2023). The Energy Charter Treaty: Current state of play, implications for climate action in the Global South and recommendations. *Kampala. SEATINI Policy brief*. 5 May. Available at: <https://seatiniuganda.org/download/energy-charter-treaty-current-state-of-play-issues-and-recommendations/> (accessed 30.05.2024).
- Open Letter On The Energy Charter Treaty*. 9 December 2019. Available at: https://foeeurope.org/sites/default/files/eu-us_trade_deal/2019/en-ect-open-letter1.pdf (accessed 30.05.2024).
- The Paris Agreement on December 12, 2015. *The UN Portal*. Available at: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf (accessed 30.05.2024). (In Russ.).

References

- Belyi, A. (2021). The Energy Charter process in the face of uncertainties. *The Journal of World Energy Law & Business*, 14 (5): 363—375. DOI: 10.1093/jwelb/jwab032.
- Bonnitcha, J., Langford, M., Alvarez-Zarate, J., Behn, D. (2023). Damages and ISDS Reform: Between Procedure and Substance. *Journal of International Dispute Settlement*, 14 (2): 213—241. DOI: 10.1093/jnlids/idab034.
- Braoudakis, N., Craveia, R., Baldon, C. (2024). Neutralising the ECT Sunset Clause Inter Se. *ICSID Review — Foreign Investment Law Journal*, 39 (1): 7—8. DOI: 10.1093/icsidreview/siae011.
- Ermakova, E. P. (2022). “Solar” disputes: can Italy’s withdrawal from the Energy Charter Treaty lead to its collapse? *State and law*, 3: 150—163. DOI: 10.31857/S102694520019171-9. (In Russ.).
- Gudkov, I. V. (2020). “Ecologization” of economic relations in law (on the example of the energy industry). *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*, 5: 124—141. DOI: 10.12737/jflcl.2020.046. (In Russ.).
- Gurova, I. P. (2016). Contradictions of the reform of investment agreements in the European Union. *Economics, entrepreneurship and law*, 3 (32): 303—314. DOI: 10.18334/epp.6.3.36154. (In Russ.).
- Hajdu, G. (2020). Recent Investment Cases Against EU Member States: Europe’s Green Energy Policies Under Threat? *Sociálne Vedy Z Perspektívy Mladých Vedeckých Pracovníkov, IV*: 124—128. DOI: 10.34135/svpmvpIV.191014.
- Hinrichsen, E. (2024). Reconciling International Climate Law and the Energy Charter Treaty through the Use of Integrative Interpretation in Arbitration. *Laws*, 13: P. 24. DOI: 10.3390/laws13020024.
- Ispolinov, A. S. (2021). Principles of autonomy and priority of EU law as a weapon of the Court of the European Union in conflict with investment arbitrations. *The Achmea case. Russian Law Journal*, 2: 56—77. DOI: 10.34076/20713797_2021_2_56. (In Russ.).
- Kehl, Ph., Wuschka, S. (2024). The Energy Charter Treaty at a Tipping Point — Modernization Efforts, Withdrawal Plans and their Legal Consequences. *ZEUS Zeitschrift für Europarechtliche Studien*, 1: 59—90. DOI: 10.5771/1435-439X-2024-1-59.
- Konoplyanik, A. A. (2010). Russia and the Energy Charter: a long and winding path towards each other. *ECO: All-Russian Economic Journal*, 12: 114—132. (In Russ.).
- Konoplyanik, A. A. (2011). The Energy Charter Treaty: it cannot be destroyed to modernize. *ECO: All-Russian Economic Journal*, 2: 118—136. (In Russ.).
- Kulinich, A. D. (2024). Regulation of foreign direct investment in the European Union. *Scientific and Analytical Bulletin of the IE RAS*, 1: 53—63. DOI: 10.15211/vestnik-eran120245363. (In Russ.).
- Makarenkova, A. K. (2016). Regulation of investment activity in EU free trade agreements. *Law and management. XXI century*, 3: 78—86. (In Russ.).
- Nagy, C. I. (2019). *Introduction: Intra-EU BITs after Achmea — A cross-cutting issue*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing. 1—13. DOI: 10.4337/9781788115179.00009.
- Odermatt, J. (2021). Is EU Law International? Case C-741/19 Republic of Moldova v Komstroy LLC and the Autonomy of the EU Legal Order. *European Papers*, 6 (3): 1255—1268. DOI: 10.15166/2499-8249/522.
- Popov, E. V., Zimakov, A. V. (2021). Challenges for international investors in the context of greening energy in the EU: a comparative review of German practice. *Comparative Politics*, 12: 47—55. DOI: 10.24412/2221-3279-2021-10039. (In Russ.).

- Rachkov, I. V. (2016). The case of YUKOS v. the Russian Federation and the issue of jurisdictional immunity of the state. *Moscow Journal of International Law*, 3: 49—67. DOI: 10.24833/0869-0049-2016-3-49-67. (In Russ.).
- Roiger-Simek, K. (2021). The Modernization of the Energy Charter Treaty: Dead in the Water? *Austrian Review of International and European Law*, 26: 121—146. DOI: 10.1163/15736512-02601005.
- Sánchez Contreras, J., Matarán Ruiz, A. M., Campos-Celador, A., Fjellheim, E. M. (2023). Energy Colonialism: A Category to Analyse the Corporate Energy Transition. *Land*, 12: 12—41. DOI: 10.3390/land12061241.
- Shaidullina, V. K. (2018). Bilateral treaties of the European Union and third countries in the field of protection of foreign investments: problems of law enforcement. *Society: politics, economics, law*, 3: 80—83. DOI: 10.24158/pep.2018.3.16. (In Russ.).
- Shiyanov, A. V. (2023). The main directions of modernization of the investment regime of the Energy Charter treaty. *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*, 3: 42—49. DOI: 10.18522/2313-6138-2023-10-3-6. (In Russ.).
- Tienhaara, K., Cotula, L. (2020). *Raising the cost of climate action? Investor-state dispute settlement and compensation for stranded fossil fuel assets*. London: IIED. 59 p.
- Titi, C. (2015). International Investment Law and the European Union: Towards a New Generation of International Investment Agreements. *The European Journal of International Law*, 26 (3): 639—661. DOI: 10.1093/ejil/chv040.
- Vaaranmaa, O. (2021). The Energy Charter Treaty, Frivolous Claims and the Looming Threat of Investor-state Dispute Settlement: Any Hope from the EU's Modernisation Proposal? *Groningen Journal of International Law*, 8 (2): 270—287. DOI: 10.21827/GroJIL.8.2.270-287.
- Vig, Z. (2022). Legitimate expectations in the arbitral practice of green energy cases under the Energy Charter Treaty. *Hungarian Journal of Legal Studies*, 62 (2): 115—130. DOI: 10.1556/2052.2022.00347.
- Zimakov, A. V. (2021). Germany's Nuclear Energy Refusal Policy: from Conflict to Compromise. *Nauchnyi dialog*, 10: 359—377. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-359-377> (In Russ.).
- Zimakov, A. V. (2017). Is there a future for coal-fired thermal power plants in Europe? *Bulletin of MGIMO University*, 5 (56): 130—150. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-5-56-130-150. (In Russ.).

*The article was submitted 28.05.2024;
approved after reviewing 25.07.2024;
accepted for publication 02.08.2024.*